

М.А. Кашина, И.И. Юкина

РОССИЙСКАЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: ОПЫТ ГЕНДЕРНОГО АНАЛИЗА

Целью статьи является анализ соотношения демографической и гендерной политики в России начала XXI в. Авторы рассматривают Концепцию демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. и государственные меры повышения рождаемости, озвученные В.В. Путиным и Д.А. Медведевым. Они приходят к выводу, что данная государственная политика может быть названа политикой фамелизации, и она с неизбежностью ведет к усилению гендерного неравенства в семье и обществе. Альтернативой ей может стать гендерно ориентированная демографическая политика, позволяющая перейти от экстенсивного типа воспроизводства социально-трудоового потенциала к интенсивному, способствующему развитию человеческого капитала России. Ее цель — не только укрепление семьи как института по воспроизводству населения, но и поддержка мужчин и женщин, которые могут рожать и воспитывать детей, не отказываясь при этом от профессионального развития и личностного самовыражения.

Ключевые слова: гендер, гендерное неравенство, гендерный контракт, гражданское общество, демографическая политика, дефамелизация, женское движение, материнский (семейный) капитал, семейная политика, суммарный коэффициент рождаемости, фамелизация.

Key words: gender, gender inequality, gender contract, civil society, population policy, defamilization, the women's movement, the parent (family) capital, family policy, the total fertility rate, familization.

Демографические проблемы России сегодня оказались в центре внимания не только ученых, но и политиков. В этой связи представляет интерес вопрос о целях и возможных результатах проводимой российским государством демографической политики.

Существуют разные подходы к исследованию демографических процессов: экономический, психологический, политологический, социологический и др. В данной статье в качестве методологии избран гендерный анализ. Задача состояла в том, чтобы показать обусловленность типа воспроизводства социально-трудового потенциала страны характером реализуемой государством демографической политики и сложившимися в обществе гендерными отношениями. Авторы противопоставляют политике феминизации гендерно-ориентированную демографическую политику, считая, что только последняя способна обеспечить интенсивное (качественное) воспроизводство трудового потенциала России.

Эмпирической базой анализа послужили данные государственной статистики, материалы СМИ, научная периодика, а также официальные документы, в том числе нормативные правовые акты по вопросам демографической политики, принятые в последнее время.

Объект анализа в статье ограничен только одним типом естественного движения населения — рождаемостью, в связи с тем, что государственные меры по повышению рождаемости вызвали наибольший общественный резонанс.

Демографическая политика выступает неотъемлемой частью социальной политики любого современного государства. Однако цели ее могут быть диаметрально противоположными: в Китае целью выступает ограничение роста численности населения, а в странах Европейского Союза стремятся, наоборот, эту численность поднять. Неизменным остается объект этой политики — население, и ее предмет — факторы, влияющие на демографические процессы, в том числе, репродуктивное поведение людей.

Современная российская политика должна быть названа скорее семейной, чем демографической. Об этом говорит, например, название одного из самых известных федеральных законов, принятых в этой сфере — «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (от 29.12.2006 г. № 256-ФЗ).

Термин «семейная политика» стал применяться для определения отдельного направления социальной политики с конца 1960-х гг., когда демографический кризис стал осознаваться как проблема, требующая вмешательства государства, и вопросы, связанные с жизнью семьи, во многих странах стали активно обсуждаться. В качестве объекта семейной политики выступает семья, имеющая детей (супружеская пара или одинокий родитель), а предметом рассмотрения становятся все действия государства, осуществляемые в отношении семьи (Чернова 2008: 10).

Гендерная политика имеет непосредственное отношение к семье, репродуктивным установкам населения, процессам рождаемости и смертности, но, в отличие от семейной политики, ее объектом выступают не семья, а группы мужчин и женщин как субъекты гендерных отношений. Гендер при этом понимается как отношения власти между мужчинами и женщинами, организованные при помощи социокультурного означения и легитимации гендерных ролей.

Любая политика имеет своим главным предметом отношения власти. При этом, как отмечает С. Тарроу (S. Tarrow), «политика групп, обладающих властью, ориентирована на стабилизацию своего положения в политической среде или на поддержание легитимности тех ценностей, которые позволяют им сохранять лидирующие позиции в обществе» (Гендерная интеграция... 2004: 212). Исходя из этого, предмет гендерной политики — властные отношения, возникающие из существующего в обществе гендерного порядка. Задача гендерной группы, обладающей властью в системе гендерных отношений, — стабилизировать свое положение, а задача группы, не обладающей властью, — перераспределение власти в своих интересах. Власть мужчин как большей социальной (гендерной) группы существует с незапамятных времен и называется патриархатом. Женщины как гендерная группа заинтересованы в более справедливом распределении власти и действуют в этом направлении, начиная с XIX в., в рамках женского движения. Таким образом, термин «гендерная политика» употребляется для обозначения деятельности по преодолению неравенства между мужчинами и женщинами в доступе к политическим и экономическим возможностям и ресурсам, а также в семье.

Поскольку отправной точкой гендерного анализа служит тезис об асимметричности позиций гендерных групп в обществе, то интересующий нас вопрос следует сформулировать следующим образом: «Чему способствует современная российская демографическая политика, усилению или ослаблению гендерного неравенства в обществе?»

Начнем с характеристики демографической ситуации, сложившейся в нашей стране в нач. XXI в. Как известно, Россия переживает депопуляцию. За 10 лет, с 1995 по 2005 гг., численность ее населения сократилась на 4 млн. 986 тыс. человек. Для сравнения: за тот же период численность населения стран Европейского Союза выросла на 14 млн. 407 тыс. человек (Европейский Союз и Россия 2007: 32).

Как известно, для простого воспроизводства населения суммарный коэффициент рождаемости должен находиться в диапазоне 2,15–2,25. Самое низкое значение этого показателя было зафиксировано в нашей стране в 1999 г. — 1,157 ребенка на женщину репродуктивного возраста (для городского населения — 1,045, для сельского — 1,534) (Семья в России 2008: 78). В 2006 г. этот показатель увеличился в России до 1,296. В 2007 г. он составил 1,406 на одну женщину репродуктивного возраста (1,283 для городских женщин и 1,798 — для сельских). Для сравнения: в 2005 г. в Исландии суммарный коэффициент рождаемости равнялся 2,05, во Франции — 1,92, в Норвегии — 1,84, в Дании и Финляндии — 1,80. Необходимо отметить, что в Европе есть страны, где этот показатель еще ниже, чем в России. Так, в Польше в 2005 г. суммарный коэффициент рождаемости составил 1,24, в Словакии — 1,25. Тем самым пока ни одной европейской стране не удалось обеспечить замещение поколения родителей поколением детей, и проблему естественной убыли населения большинство из них решает путем проведения активной миграционной политики. Именно за счет мигрантов, прежде всего из

развивающихся стран, и растет численность населения Европейского Союза. В России внешняя миграция не покрывает естественную убыль, поэтому наша страна последние два десятилетия теряет население.

В подобных условиях формирование и проведение государством активной демографической политики является жизненно необходимым. Указом Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351 была утверждена «Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г.» (Концепция... 2007). Ее цель — «Стабилизация численности населения к 2015 г. на уровне 142–143 млн. человек и создание условий для ее роста к 2025 г. до 145 млн. человек».

На первый взгляд, подобная цель кажется скромной: за двадцать лет нужно добиться роста численности населения всего на 2–3 млн. человек. Однако необходимо учесть, что на 1 января 2007 г. население России составило только 142 млн. 221 тыс. жителей. За счет превышения смертности над рождаемостью страна с 2000 г. ежегодно теряет в среднем 860 тыс. человек, а внешняя миграция в Россию за тот же период составила в среднем только 200 тыс. человек в год. Тем самым общая убыль населения страны находится на уровне порядка 600 тыс. человек в год. В таких условиях просто стабилизация численности населения уже становится весьма значительным достижением.

В Концепции государственной демографической политики сформулирована задача повышения уровня рождаемости в России к 2025 г. за счет рождения в семьях второго и последующих детей. При этом суммарный коэффициент рождаемости должен увеличиться в полтора раза, т.е. вырасти до 1,95 ребенка на 1 женщину репродуктивного возраста. Это означает, что через 18 лет по уровню рождаемости Россия должна выйти на уровень скандинавских стран и Франции. Правда, за скобками рассматриваемой концепции остался вопрос о качестве тех семей, в которых эти вторые-третьи дети должны родиться и воспитываться.

Численность населения любой страны сама по себе — факт исторический. Важнее то, что она определяет социально-трудовой потенциал страны*. В условиях депопуляции к его формированию и использованию можно выделить два подхода. Первый — экстенсивный (количественный). Ставится задача увеличения численности экономически активного населения страны за счет увеличения рождаемости, снижения смертности, сокращения миграционного оттока и повышение миграционной привлекательности страны. Вопрос качества создаваемых трудовых ресурсов при этом практически не рассматривается. Второй — интенсивный (качественный). На первый план выходит задача повышения качества трудовых ресурсов, на этой

*В экономической литературе используются разные термины для характеристики рабочей силы страны — экономически активное население, трудовые ресурсы, социально-трудовой потенциал, социальный (человеческий) капитал и др. Мы будем пользоваться этими терминами как синонимами, понимая под ними совокупность людей (работников) в масштабах страны, обладающих способностью к труду и имеющих тот или иной уровень квалификации.

базе происходит рост производительности труда, и цели экономического развития достигаются меньшим количеством трудовых ресурсов. Рост абсолютной численности населения (и тем самым экономически активного населения) приветствуется, но не является доминирующей задачей. Иначе этот подход можно назвать развитием человеческого (социального) капитала страны.

Данные подходы могут и должны быть взаимодополняющими. Вместе с тем второй путь сложнее, поскольку требует глубоких, проработанных и ориентированных *на долгосрочную перспективу* управленческих решений, более согласованных действий власти, гражданского общества и бизнеса на рынке труда и в сфере социального воспроизводства.

Водораздел между экстенсивным и интенсивным типом воспроизводства социально-трудового потенциала страны пролегает, по нашему мнению, по линии объекта государственного воздействия. Первый подход обращен в большей степени к семье, к домохозяйству. В его рамках мы можем говорить о семейной политике. Второй — к личности, к ее развитию. Здесь следует говорить о политике преодоления различных барьеров на пути профессионального развития человека, к которым не в последнюю очередь относятся гендерные стереотипы, жесткое разделение в обществе социально-профессиональных и семейных ролей по признаку пола, усвоенное как работниками, так и работодателями (Рощин, Зубаревич 2005: 20–23). Поэтому в рамках второго подхода уместно обращение к политике выравнивания возможностей гендерных групп в обществе.

Рассмотрим, какой подход к воспроизводству социально-трудового потенциала страны избрали российские власти.

Как уже отмечалось, в Концепции демографической политики ставится задача повышения уровня рождаемости в стране к 2025 г. за счет рождения в семьях второго и последующих детей до уровня 1,95 ребенка на женщину репродуктивного возраста. Достижению этого, по мнению авторов концепции, должны способствовать следующие меры:

1. Усиление государственной поддержки семей, имеющих детей, включая финансовую поддержку семей (детские пособия, единовременные выплаты, материнский (семейный) капитал и др.), поддержку организаций, оказывающих социальные услуги семьям и детям, формирование среды обитания, дружественной семьям с детьми.

2. Создание условий для повышения доступности жилья для семей с детьми, в первую очередь для молодых семей (ипотечное кредитование, целевые жилищные программы и др.).

3. Реализация мер по содействию занятости женщин, имеющих малолетних детей, в целях обеспечения совмещения родительских и семейных обязанностей с профессиональной деятельностью.

Другими словами, государство берет на себя обязанности по созданию благоприятных условий для рождения детей, обещает материальную поддержку семьям в виде пособий и выплат и, что самое замечательное, обязуется помочь женщине совмещать родительские семейные обязанности с профессиональной деятельностью.

Казалось бы, текст Концепции гендерно нейтрален, поскольку используются термины «семья с детьми», «супруги», «семейные, родительские обязанности». Тем не менее, формулировка третьей меры государственной политики, а также введение в конце 2006 г. в качестве государственной меры поддержки семей с детьми «материнского капитала» обнажает ее традиционную (патриархатную) природу. Ответственной за детей, их рождение, воспитание и даже за образование назначается мать. Кстати говоря, слово «отец» в данной концепции вообще не встречается.

Статья 3 256-ФЗ от 29 декабря 2006 г. «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» определяет круг лиц, имеющих право на эти дополнительные меры в форме материнского (семейного) капитала. Это: женщины, родившие 2-го, 3-го и последующих детей, начиная с 1 января 2007 г.; мужчины, являющиеся единственными усыновителями; отцы, но только при условии, что мать ребенка умерла или лишена родительских прав (Федеральный закон... 2006).

Последние изменения, внесенные в этот закон 288-ФЗ от 25.12.2008, ситуацию принципиально не меняют. В связи с финансовым кризисом и необходимостью выплаты семьями ипотечных кредитов законодатель разрешил использовать материнский капитал на погашение ипотеки раньше, чем ребенку исполнится три года (Федеральный закон... 2008). А в «Изменениях в Правилах направления средств (части средств) материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий» право распоряжаться материнским капиталом получает еще и лицо, состоящее в зарегистрированном браке с лицом, получившим сертификат, если оно является стороной кредитного договора. Все это возможно при наличии письменного заявления лица, получившего сертификат, о том, чтобы направить средства материнского (семейного) капитала на выплату кредита за жилье (Изменения...2009). Тем самым получателем и распорядителем материнского (семейного) капитала остается женщина, родившая ребенка, спектр направления использования этих средств не увеличивается. Более того, расширение круга лиц, имеющих право использовать материнский капитал, касается только супругов, состоящих в зарегистрированном браке, на все другие варианты семей эта возможность не распространяется.

Государство решило помочь национальной экономике и финансовой системе с помощью материнского капитала, но вряд ли это решит проблемы молодой семьи, взявшей ипотеку. Размер материнского капитала с учетом индексации составил в 2008 г. 276.250 руб. В федеральном бюджете на 2009 г. заложены выплаты в 299.731 руб. на одного ребенка. Учитывая, что стоимость квадратного метра жилья сегодня в Санкт-Петербурге составляет 90–100 тыс. рублей, денег явно маловато. В сельской местности стоимость жилья, безусловно, ниже, но там живет, по данным последней всероссийской переписи, всего 27 % населения, причем далеко не молодого возраста.

Впрочем, есть и более радикальные точки зрения на материнский капитал. Например, саратовский психолог А.А. Быстров (Быстров 2008) считает,

что средства материнского капитала повысят рождаемость в первую очередь нерусских этносов. В связи с этим процент государствообразующего русского населения значительно сократится, что приведет к государственно-административным и политическим переменам. В этом он не одинок. Такие взгляды высказываются как по вопросам стимулирования рождаемости, так и в связи с проблемами иммиграции. Назовем этих авторов «ястребами» нашей демографической политики, потому что предлагаемые ими меры по большей части очень далеки от демократии, социального государства и соблюдения прав человека.

Другая идея г-на Быстрова вызывает явное недоумение. Пытаясь экономически мотивировать родителей на рождение большего числа детей, он предлагает сделать это через введение капитала «главы семьи» — 20 % от дохода гражданина, которые будут ежемесячно отчисляться «в пользу главы вырастившей его семьи». Таким образом, рождение детей — это обеспечение старости одного из супругов (того, кто признан «главой семьи»). Этакая живая накопительная часть пенсии.

Если к этим идеям относиться хоть сколь-нибудь серьезно, то встает множество вопросов, мимо которых автор проходит, не обременяя себя. «Глава семьи» — это кто? Как и кем он определяется? Почему речь не идет о родителях? Ведь элементарная логика подсказывает, что в воспитании ребенка и в его материальном обеспечении участвуют оба родителя, даже если мать не работает в общественном производстве, т.к. ее домашний труд имеет свое стоимостное выражение. Или капитал «главы семьи» понимается как «отцовский капитал» и антитеза материнскому капиталу?

Быстров декларирует предлагаемые меры как профессиональный поведенник, а не как психолог: «На смену *равноправию и анархическому сожительствоу* супругов, родителей и детей, *скрытой* борьбе за роль лидера должна прийти *идеология иерархичной* семьи, предполагающей *регламентацию* прав и ответственности главы семьи (курсив наш — М.К., И.Ю.) (Быстров 2008: 94).

Нет сомнений, что иерархическая структура семьи, отношения экономической выгоды, заложенные в основу семьи вкупе с мифическим капиталом «главы семьи» не только вызовут борьбу за власть в семье, но лишат ее важнейших функций — рекреации и взаимной поддержки членов семьи, что неизбежно приведет к ее краху.

Кто будет регламентировать семейные иерархии? Специально созданный государственный орган или органы местного самоуправления? Какими методами? Как и кем будет контролироваться отчисление этих 20 %? Последний вопрос особенно актуален в свете того, что сегодня государство не в состоянии заставить отцов, бросивших своих детей, платить им алименты, и детей «отцов-алиментщиков» воспитывает и содержит мать. Может быть, предложения г-на Быстрова — это как раз попытка усилить роль и повысить авторитет отца в семье, заинтересовав его хотя бы экономически?

Вернемся к Концепции демографической политики. Законодатель, судя по ее тексту, считает, что женщина ответственна за обеспечение семейного

благополучия в первую очередь. В связи с этим он определяет проблему совмещения родительских обязанностей и профессиональной деятельности как исключительно женскую. Только для женщин предполагаются гибкие формы занятости (в том числе надомный труд и частичная занятость), только их нужно переводить с рабочих мест с тяжелыми и вредными условиями труда в целях сохранения их репродуктивного здоровья. К слову, про репродуктивное здоровье мужчин в Концепции нет ни слова, хотя проблемы в этой области общеизвестны.

Д.А. Медведев, выступая на Форуме матерей Сибири 14 февраля 2008 г. в Новосибирске, четко продемонстрировал эту позицию: «Кроме того, я считаю, что мы должны рассмотреть и отдельные формы, такие как неполный рабочий день, подумать над эффективными мерами контроля над современными работодателями, которые просто будут побуждать работодателей внимательно, правильно относиться к потребностям женщин, воспитывающих детей» (Медведев 2008). Другими словами, власть озабочена профессиональной занятостью женщин. Она хочет создать правовую базу, которая будет обязывать работодателя взять женщину после рождения ребенка обратно на работу, она хочет создать условия для совмещения материнства и оплачиваемой занятости.

Д.А. Медведев говорил и о детских садах, обещал возвращать старые и строить новые. Все хорошо, только возникает вопрос, где отец, где его возможности совмещать отцовство и профессиональную занятость? Они ему не нужны? Тогда перед нами хорошо знакомый по советским временам гендерный контракт «работающая мать», предусматривающий двойную занятость женщин в обмен на их государственную поддержку как матерей, прежде всего экономическую: материнский капитал, увеличение размеров пособий по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет, компенсация расходов на детские дошкольные учреждения и т.п.

Возможно, на данном этапе исторического развития России такая демографическая политика даст свои результаты, как это уже было в 1980-х гг. Хотя демографы сильно сомневаются. Самый известный российский демограф А. Вишневецкий, директор института демографии ГУ ВШЭ, в своем комментарии к Посланию Президента Федеральному собранию Российской Федерации 10 мая 2006 г., в котором были впервые очерчены контуры современной государственной демографической политики, пишет, что если произойдет чудо и мы вернемся к лучшим за последние 40 лет российским показателям — 2,2 рождения на одну женщину (они были отмечены в 1987 г. и продержались только один год), то в 2025 г. в России родится примерно 2–2,12 млн. детей, это больше, чем нынешние 1,5 млн., но меньше, чем 2,5 млн. в 1987 г., когда женщин в прокреативных возрастах было значительно больше. Если же успех будет не столь оглушительным и мы вернемся к более рядовому уровню начала 1980-х гг., то в 2025 г. в стране родится примерно 1,8 млн. детей. Это, конечно, неплохо, но недостаточно, чтобы перекрыть число смертей, которые будут увеличиваться даже при снижении смертности, просто из-за увеличения доли пожилых людей. Так что естественный прирост населения все равно будет отрицательным» (Президент... 2006).

Далее ученый анализирует последствия повышения рождаемости для рынка труда и констатирует увеличение «ножниц» между спросом и предложением на рынке труда, потому что женщины уйдут с рынка труда, чтобы рожать, но родившиеся дети потребуют увеличения развития сферы услуг по их воспитанию. Прогноз не утешителен. А. Вишневецкий пишет: «Даже если какой-то компромисс между материнскими и производственными функциями женщины будет найден, это все равно не снимет проблему «ножниц», в лучшем случае удастся избежать ее усугубления. Но «ножницы» останутся, раствор их, по мере сокращения численности населения в рабочем возрасте, будет увеличиваться, дефицит рабочих рук будет нарастать, и рынок труд превратится в огромный насос, всасывающий все новых и новых иммигрантов, причем без разбора, по принципу «на безрыбье и рак — рыба». Именно это представляет собой главную проблему и главную опасность для России, по крайней мере, на ближайшие 20 лет, а может быть и на последующие десятилетия» (Президент... 2006).

Другими словами, демограф считает, что основной проблемой России является «дикая» иммиграция. Для роста рождаемости в стране есть совершенно объективные ограничения, которые не позволят только с ее помощью компенсировать высокую смертность и достичь целей стабилизации численности населения страны. Необходимо рассматривать рождаемость и иммиграцию как взаимодополняющие пути демографического развития. С этим трудно спорить, да никто и не собирается этого делать. В контексте нашей темы важнее вопрос о том, а стоит ли тогда вообще так акцентировать на государственном уровне необходимость рождения второго и последующих детей, если повышение рождаемости ситуацию все равно не спасает? Важно понимать, что экстенсивный путь развития социально-трудового потенциала страны, ориентированный только на простое увеличение численности населения путем поддержки средне- и многодетных семей, проблему нехватки рабочей силы кардинально не решит, но при этом вытолкнет женщину с рынка труда, сделает ее экономически зависимой от мужа и лишит самостоятельного социального статуса.

Возникает вопрос, почему был избран именно этот вариант решения демографических проблем в нашей стране? По нашему мнению, главная причина заключается в скудности набора альтернатив, имевшихся у лиц, принимающих решение. В очередной раз российское государство (законодательная и исполнительная власть вместе взятые) решило все за граждан, не удосужившись посоветоваться с ними, выслушать их мнения и предложения. При разработке Концепции демографической политики не было учтено мнение общественных организаций.

Отсечение женских некоммерческих организаций (НКО) как организаций гражданского общества, которые напрямую работают с демографическими проблемами (детство, сиротство, старость, инвалиды, приемные семьи и др.), от процесса обсуждения и принятия в 2007 г. демографической концепции, лишило власть самой возможности рассмотреть позицию гражданского общества, проанализировать его (гражданского общества) возмож-

ности и уже выработанные им социальные технологии решения демографических проблем. В результате произошло то, что называется институциональной инерцией или попаданием привычную колею, т. е. соскальзыванием демографической политики на те же основания и принципы, на которых она проводилась в 1980-х гг., в то время как ситуация в стране с тех пор сильно изменилась. «Проблема колеи» — удачный перевод профессором А.А. Аузаном термина «past dependency problem», под которым понимается исторически накатанный, но не ведущий к развитию путь принятия решения (Аузан 2004).

Именно из-за того, что российская законодательная и исполнительная власть недооценивают важность реальной (а не парадно-формальной) коммуникации и выработки договоренностей между всеми тремя секторами общества — властью, бизнесом и гражданским обществом (в данном случае преимущественно с женскими организациями), ошибки неизбежны. Принятые и проводимые в ситуации отсутствия базового консенсуса государства и гражданского общества меры государственной демографической политики не встречают поддержки и доверия у самих граждан.

Необходимые для выработки подобных договоренностей переговорные площадки существовали в России до начатой в 2003 г. административной реформы. Например, в Министерстве труда и социального развития Российской Федерации действовал круглый стол женских организаций. Этот круглый стол был частью создаваемого в 1990-е гг. Национального механизма по улучшению положения женщин.

Российское женское движение провело в первые годы реформ огромную работу по включению проблем российских женщин в повестку дня международного женского движения, мирового сообщества и своего собственного правительства. Российская Федерация, подписав в сентябре 1995 г. Пекинскую декларацию (Программа... 1996), обязалась создать Национальный механизм по улучшению положения женщин и начала создавать его, ориентируясь на международные стандарты. Однако процесс завершен не был. Более того, сегодня можно говорить о частичной деконструкции этого механизма.

Женское движение, как и любое другое общественное движение, развивается волнообразно. С началом реформ в 1990-е гг. изменение ситуации на рынке труда России привело к росту женской безработицы, нарушению прав женщин и их обнищанию (феминизация бедности). Ответом на сложившуюся ситуацию стало формирование в этот период российского независимого женского движения, которое в первую очередь выполняло организационную и защитную функции, а затем функцию политической социализации и просвещения (юридического, экономического, политического) женщин. Идеологическую функцию взяло на себя академическое сообщество России — та его часть, которая сотрудничала с женским движением и услышала запрос этого движения. В итоге движение 1990-х сумело поставить на общенациональном уровне вопрос об ухудшении положения женщин и потребовать от правительства мер по изменению ситуации.

Именно независимое женское движение 1990-х подняло проблемы женской занятости, дискриминации женщин на рынке труда, феминизации бедности, насилия в отношении женщин, торговли женщинами с целью сексуальной эксплуатации, заговорило о необходимости поддержки женского бизнеса как сферы самозанятости женщин.

Часть «женских» проблем была признана в российском обществе и легитимирована в общественном мнении, например, проблемы трафика женщин с целью сексуальной эксплуатации, причины и последствия феминизации бедности, проблема домашнего насилия. В 1990-е гг. после долгого перерыва появились яркие женщины-политики, которые поддерживали контакты с женским движением, — Е. Лахова, Г. Старовойтова, И. Хакамада.

В то же время некоторые вопросы, поставленные женским движением, вызвали общественное противодействие, например, вопрос о квотах для женщин в партийном строительстве. В начале 2000-х гг. российское женское движение пошло на спад, и это сразу отразилось на гендерной политике государства. В 2002 г. Министерство труда и социального развития Российской Федерации приняло первый вариант проекта Гендерной стратегии РФ, которую директор Московского Центра гендерных исследований доктор философских наук О.А. Воронина оценила как патерналистскую, т.е. выдержанную в русле традиционной защиты «женщины-матери», а не направленную на достижение гендерного равенства (Воронина 2004: 267–268). Позднее стратегия была переписана в сторону большей устремленности на достижение гендерного равенства. Тем не менее, до сегодняшнего дня этот документ не утвержден ни Президентом, ни Правительством Российской Федерации.

Во всех указах и постановлениях правительства относительно женщин реализовывался лишь формально юридический подход к решению проблемы, поэтому реальных изменений в социальном статусе российских женщин не произошло. Они так и не догнали мужчин ни по уровню доходов, ни по уровню властных возможностей (Подробнее см.: Рощин, Зубаревич 2005: 6–46).

Для преодоления гендерного неравенства международное женское движение второй волны выработало и предложило в качестве основы государственной политики новую стратегию — «gender mainstreaming» (комплексный подход к проблеме гендерного равенства). Эта стратегия предполагает интеграцию вопросов гендерного равенства в общий контекст общественной жизни. При этом акцент делается на социокультурные, а не биологические различия между полами. Составной частью этого подхода является анализ управленческих решений с точки зрения их последствий для гендерных групп, поэтому этот подход предусматривает знание гендерной проблематики как обязательной для лиц, принимающих решения (Гендерные аспекты... 2004: 90).

Стратегия гендерного мейнстриминга явно не использовалась при разработке современной демографической политики, хотя совершенно очевидно, что последствия ее реализации будут различны для мужчин и женщин.

Женщины окажутся в аутсайдерах, потому что потеряют в социальном статусе и в уровне доходов.

Российское государство, как свидетельствует анализ, проведенный выше, проводит политику фамелизации, т.е. политику поддержки семьи с традиционным распределением в ней социальных ролей мужчин и женщин. Женские организации, особенно старые, самоорганизовавшиеся в начале 1990-х и имеющие опыт решения острых социально-экономических проблем женщин в ситуации кризиса, стремятся, как правило, к повышению статуса женщин в обществе, обретению ими статуса самостоятельных социальных акторов вне зависимости от их семейного положения. Другими словами, многие из них выступают за политику дефамелизации, т.е. за возможность вести достойную жизнь и мужчинам, и женщинам независимо от их брачного статуса, наличия семьи и характера внутрисемейных отношений, что достигается посредством занятости или социального обеспечения (Социальная политика... 2004: 42). Это не означает, что женские организации выступают против укрепления семьи. Но, наученные горьким опытом, они выступают против такой семейной политики, при которой укрепление семьи оборачивается усилением экономической зависимости женщин от мужчин, а вся ответственность за рождение и воспитание детей при этом перекладывается на женские плечи.

Альтернативой политике фамелизации может служить реализация принципов гендерного равенства в демографической политике — гендерно ориентированная демографическая политика. Она основана на повседневной практике рационального выбора женщин и мужчин в вопросе репродуктивного поведения, с опорой на разделяемые индивидом ценности, среди которых ценность ребенка, ценность эгалитарных отношений в семье и партнерстве, право и возможность профессиональной самореализации каждого из супругов.

Демографическая политика, имеющая в своей основе принцип гендерного равенства и выравнивающая возможности гендерных групп, будет увеличивать рождаемость в стране, может быть, не столь явно, как политика фамелизации на своем начальном этапе, но она однозначно будет способствовать повышению качества будущих поколений.

Исследования показывают (и здравый смысл говорит о том же), что в эгалитарных семьях ниже уровень супружеских конфликтов, потому что более справедливо распределяются домашние обязанности. В них меньше случаев девиантного поведения детей и супругов и домашнего насилия, потому что в семье существует атмосфера взаимного уважения супругов друг к другу и детям, нет манипулирования, акцентируется значимость самореализации каждого из членов семьи, а не только взрослых мужчин. В таких семьях решение о рождении детей принимаются более ответственно и осознанно. Воспитание ребенка (детей) становится предметом ответственности обоих родителей.

Гендерно ориентированная демографическая политика имеет своей целью качественный рост социально-трудового потенциала страны. Вместе с

тем разработка и реализация такой политики требует работы не только с репродуктивными мотивациями населения, но и преодоления в обществе гендерных стереотипов, мешающих формированию эгалитарных супружеских отношений. Домашний труд не может рассматриваться как чисто женский. Капитал на рождение второго и последующих детей должны иметь право получать как матери, так и отцы (и не только в случае отсутствия матери). Свободный график работы, надомный труд и частичная занятость, позволяющие сочетать родительство и оплачиваемый труд, должны быть равнодоступны отцу и матери не только юридически, но и социокультурно (т.е. быть легитимированы общественным мнением).

Проблема заключается в том, что современное российское женское движение пока не может выступить равноправным партнером властей в обсуждении демографических, семейных и женских проблем. Оно недостаточно консолидировано, внутри него существуют различные течения от феминистских до патриархатных, в нем нет единства по идеологическим вопросам, и главному из них — о роли женщин в обществе.

В этой ситуации власть, предоставленная самой себе, пошла привычным путем реализации семейной политики, закрепляющей традиционное разделение ролей в семье. Но подобная политика не может дать эффекта в долгосрочной перспективе. Как отмечают психологи, патриархатные гендерные стереотипы сегодня входят в конфликт с изменяющейся социальной реальностью, личностными потребностями, порождают многочисленные внутри- и межличностные конфликты, в том числе семейные. Они вытесняют более тонкие механизмы межличностного восприятия, мешают видеть друг в друге уникальных личностей, а не объекты манипулирования (Румянцев 2007: 72–73). В силу этого кризис семьи при проведении традиционной семейной политики будет не преодолеваться, а, наоборот, усиливаться.

Лоббировать проведение гендерно ориентированной демографической политики могли бы, конечно, женские организации. Но, как уже отмечалось, российское женское движение крайне разнородно. В нашей необъятной стране вряд ли вообще возможна некая единая зонтичная организация, которая объединяла бы женские организации всей страны, как это имеет место, например, в Финляндии. Каждый регион имеет свои особенности экономического, политического развития, свои традиции, свой тип воспроизводства населения, наконец.

Консолидация женского движения сейчас идет на основе регионального и профессионального принципов. Тем не менее, всероссийские площадки, обсуждения, встречи необходимы для обмена опытом, сближения организаций, формирования сетей, подведения итогов, постановки новых целей. Такие встречи, как прошедший в ноябре 2008 г. II Всероссийский женский съезд, позволяют не только обнаружить точки совпадений и разногласий в деятельности женских организаций различных регионов, но и вывести обсуждение проблем женщин на общероссийский уровень, как это было в начале 1990-х.

Благодаря II Всероссийскому женскому съезду, Государственная Дума провела общественные парламентские слушания, посвященные эволюции

женских прав в России за 100 лет. Слушания привлекли внимание к женским проблемам части депутатов Государственной Думы, представителей государственных и муниципальных органов власти на местах. После слушаний была организована выработка рекомендаций по обсуждаемым вопросам с привлечением женских организаций чуть ли не всех регионов страны. Развернулась дискуссия по этим темам в Интернете.

Будут ли рекомендации Парламентских слушаний Государственной Думы учтены при дальнейшей разработке и реализации государственной демографической политики, покажет время. Сейчас важен сам факт диалога женских организаций с властями именно на федеральном уровне.

Подводя итоги проделанного выше анализа, можно констатировать, что для обеспечения интенсивного (качественного) роста социально-трудового потенциала страны нельзя допустить превращения детей в тривиальный источник капитала (неважно, материнского, или «главы семьи»), необходимо повысить качество семейных отношений в России. Это возможно путем реализации принципов гендерного мейнстриминга при разработке и реализации демографической политики, превращении ее не только в семейно, но и в лично-центрированную социальную политику.

Литература

Аузан А.А. Экономические основания гражданских институтов (Доступ: <http://www.polit.ru/lectures/2004/05/19/auzan.html>)

Быстров А.А. Материнский капитал: стимулирование рождаемости? // Социологические исследования. 2008. № 12. С. 91–96.

Воронина О.А. Феминизм и гендерное равенство. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Гендерная интеграция: возможности и пределы социальных инноваций / Ред.-сост. О.Б. Савинская и др. СПб: Алетей, 2004.

Гендерные аспекты политической социологии / Отв. ред. С.Г. Айвазова, О.А. Хасбулатова. М.: РОССПЭН, 2004.

Европейский Союз и Россия. Статистические сопоставления 1995–2005 гг. / Федеральная служба статистики. М.: Росстат, 2007.

Изменения, которые вносятся в Правила направления средств (части средств) материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий. Утверждены Постановлением Правительства РФ от 13 января 2009 г. № 20 // Российская газета. 2009. 16 января.

Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена Указом Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351 //Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 42. Ст. 5009.

Медведев Д.А. Выступление на форуме матерей Сибири. (Доступ: http://www.Medvedev2008.ru/live_press_14_02_.htm)

Президент Путин о демографических проблемах России. Комментарий Демоскопа. (Доступ: http://demoscope.ru/weekly/2006/0245/polit_01.php)

Программа действий Четвертой Всемирной конференции ООН по положению женщин. Пекин, 1995. — М., 1996.

Рошин С.Ю., Зубаревич Н.В. Гендерное равенство и расширение прав и возможностей женщин в России в контексте Целей развития тысячелетия. М.: ООО «ИНФОРЕС-ПРИНТ», 2005.

Румянцева П.В. Основные направления практической гендерной психологии // Гендерные практики: описание, рефлексия, интерпретация / Отв. ред. Т.А. Мелешко, И.И. Юкина. СПб.: «Алина», 2007. С. 70–76.

Семья в России. 2008: Стат. сб. М.: Росстат, 2008.

Социальная политика и социальная работа: гендерные аспекты / Под ред. Е.Р. Ярославской-Смирновой. М.: РОССПЭН, 2004.

Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 2007. № 1. Ст. 19.

Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 25 декабря 2008 г. № 288-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 2008. № 30. Ст. 3616.

Чернова Ж. Семейная политика в Европе и России: гендерный анализ. СПб.: Норма, 2008.